ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ
МАРИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ им. В. М. ВАСИЛЬЕВА
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов

Йошкар-Ола
2004

ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ
МАРИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ им. В. М. ВАСИЛЬЕВА
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Материалы III Международного исторического конгресса финно-угроведов

Йошкар-Ола
2004

А.В. Колесов, Н.Н. Гаврицкова *(Йошкар-Ола)*. Мифологизация природных объектов и возможности её естественнонаучного обоснования 474

Е.С. Данилко *(Москва)*. Старообрядчество среди финно-угорских народов Урало-Поволжья: перспективы историко-этнографического изучения 477

Н.С. Попов *(Йошкар-Ола)*. Социальная концепция традиционной религии марийцев 478

С.М. Червонная *(Москва)*. Финно-угорский мир Восточной Европы в парадигме неоязычества: от традиционных языческих верований и особенностей народной культуры к элитарным конструкциям творческой и политической мысли (Урало-Поволжский регион рубежа XX–XXI вв.) 482

Е.Н. Мокшина *(Саранск)*. Национальное движение у мордвы и религия 483

Л.А. Таймасов *(Чебоксары)*. Конфессиональная дифференциация и проблема этноидентичности марийцев во второй половине XIX в. 489

Е.М. Берестова *(Ижевск)*. Проблемы конфессиональных взаимодействий в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX вв. 496

А.В. Черных *(Пермь)*. Традиционные религиозные представления и этничность удмуртов Прикамья на рубеже XX–XXI вв. 498

Секция 7. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ХОЗЯЙСТВО ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ 501

Ildikó Lehtinen *(Helsinki)*. Adaptation of new tasks. Everyday life of the mari women 501

Т.Л. Молотова *(Йошкар-Ола)*. Этноидентификационные особенности современной культуры марийцев 505

Г.Е. Шкалина *(Йошкар-Ола)*. Исторические аспекты традиционной культуры народа мари 507

Г.Н. Чагин *(Пермь)*. Марийцы Пермского Прикамья: проблемы современной самоидентификации 512

Г.И. Ибулаев *(Уфа)*. Хозяйственная деятельность марийцев Уфимской губернии 516

Г.Н. Иванова *(Йошкар-Ола)*. Праздники и обряды луговых марийцев в записках А.Фукс 517

О.В. Орлова *(Йошкар-Ола)*. Материальный уровень жизни сельской молодежи в Республике Марий Эл 519

Ю.Н. Мокшина *(Саранск)*. Клятва в религиозном санкционировании семейных отношений у мордвы 522

Г.А. Корнишина *(Саранск)*. Ряженье в системе обрядового этноэтикета мордвы 526

И.А. Кандрина *(Саранск)*. Роль бани в традициях финно-угорских народов Поволжья и Приуралья 530

Е.Н. Рожкин *(Сыктывкар)*. Организация факторийного обслуживания оленеводов в условиях Республики Коми 532

А.Е. Загребин *(Ижевск)*. Модернизация хозяйственно-бытового комплекса удмуртов (1880–1920-е годы): к проблеме адаптации новшеств 534

И.Л. Поздеев *(Ижевск)*. Этническая социализация в традиционном обществе (на примере удмуртского этноса) 539

20. *Руфимский П.* Указ. соч. С. 18–19.

21. *Стариков С.В., Левенштейн О.Г.* Православные храмы и монастыри Марийского края. Йошкар-Ола, 2001. С. 60–62.

22. РГИА. Ф. 797. Оп. 162. Д. 1128. Л. 1–3.

23. Там же. Л. 8.

24. Там же.

25. Там же. Оп. 440. Д. 982. Л. 11–11 об.

26. В 1877 г. марийцы обратились к Александру II с прошением о возобновлении «порушенного черемисского образования» при монастыре и настаивали, чтобы учителем был непременно мариец. РГИА. Ф. 1286. Оп. 28. Д. 98. Л. 1–8; *Таймасов Л.А.* Из истории основания первого инородческого миссионерского монастыря в Среднем Поволжье // Марийский археографический вестник. № 11. Йошкар-Ола, 2001. С. 153–159.

27. *Руфимский П.* Указ. соч. С. 124–125.

28. РГИА. Ф. 797. Оп. 58. Отд. П. Ст. 3. Д. 111. Л. 3 об.

29. Там же.

30. Там же; *Таймасов Л.А.* Деформация образа верховного бога в религии народов Среднего Поволжья // Христианизация народов Среднего Поволжья и ее историческое значение. Йошкар-Ола, 2001. С. 36–57.

31. РГИА. Ф. 797. Оп. 58. Отд. II. Ст. 3. Д. 111; Там же. Ф. 381. Оп. 1. Д. 23408.

32. РГИА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 23408. Л. 5.

33. *Ошаев А.Г.* Марийская религиозная секта «Кугу Сорта» в годы первой российской революции // Христианизация народов Среднего Поволжья и ее историческое значение. Йошкар-Ола, 2001. С. 106–110.

34. *Попов Н.С.* К вопросу о религиозном движении в Марийском крае во второй половине XIX – начале XX вв. // Историография и источниковедение по археологии и этнографии Марийского края. Йошкар-Ола, 1984. С. 190.

ПРОБЛЕМЫ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В УДМУРТИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Е.М. Берестова

Ижевск

Специфика включения Удмуртии в состав Русского государства обусловила складывание на ее территории различных конфессиональных групп. К середине XIX в. в Удмуртии помимо представителей трех самых крупных конфессий – православия, старообрядчества и ислама, проживали члены еще пяти религиозных общин – католической, лютеранской, реформаторской, иудейской и языческой.

Православные являлись самой крупной религиозной общиной численностью в 1112030 чел. и составляли 86% населения. Второе место по численности занимала мусульманская община – 114025 чел., т.е. 9%, и третье – старообрядческая в количестве 63232 чел., что составляло 5% населения[1].

Последовательная борьба православной церкви с язычеством привела к тому, что среди православных прихожан наряду с русскими были и представители других народов Удмуртии. Крещеные удмурты проживали в 30 приходах Глазовского, в 28 приходах Малмыжского, в 27 приходах Сарапульского и в 15 приходах Елабужского уездов. Крещеные марийцы проживали в 7 приходах Елабужского, в 6 приходах Сарапульского и в 13 приходах Малмыжского уездов.

Язычники в Удмуртии составляли 0,2% населения и проживали на территории Сарапульского, Малмыжского и Елабужского уездов. По официальным данным количество язычников-удмуртов составляло 4103 чел. и 3550 чел. марийцев[2].

Но официально статистические данные не всегда соответствовали реальной ситуации. Согласно рапортам миссионеров уже к середине XIX в. в Глазовском уезде не оставалось не одного язычника. Это было верно, если считать православными тех, кто принял обряд крещения. Но если за критерий принимать знания христианских догматов и исполнение обрядов, то ситуация выглядела не так благополучно. Вплоть до 1917 г. духовенство в своих отчетах сообщало о том, что крещеные удмурты не соблюдают постов, живут невенчаными и проводят языческие моления[3]. Не лучше было религиозно-нравственное состояние нерусских народов и в других уездах. Несмотря на финансовую и административную поддержку государства, православной церкви с трудом удавалось изменить вековые религиозные представления финно-угорских народов Удмуртии.

На рубеже XIX–XX вв. среди удмуртов и марийцев стало широко распространяться мнение о том, что их вера гораздо правильнее и древнее православия, так как восходит еще к Аврааму. Так, в 1901 г. один из миссионеров сообщал о том, что язычники отстаивают свою веру, ссылаясь на некоторые положения Ветхого Завета. Они считали, что их вера более правильная, так как идет от Авраама, который тоже совершал жертвоприношения[4].

В конце XIX в. у многих народов России происходит становление национального самосознания, что в свою очередь сталкивается со стремлением государства к унификации. В результате этого для некоторых из них, как, например, для удмуртов и марийцев, религия становится средством национальной самоидентификации. Не случайно принявших православие соплеменников они называли «русковеры». И действительно, религия обладала мощным ассимилирующим фактором. На примере Удмуртии можно увидеть, что часть удмуртов, давно принявших православие, совершенно обрусела так же, как принявшие ислам отатарились. В этой ситуации старая дедовская религия представлялась единственным средством сохранения своего национального своеобразия.

События 1905 г. оказали значительное влияние и на конфессиональную обстановку. После издания Манифеста от 17 октября, где провозглашалась веротерпимость, государство было вынужденно отказаться от открытой поддержки миссионерской деятельности церкви. Финансовое обеспечение миссионерской деятельности полностью перекладывалось на церковь. Результаты не замедлили сказаться. В канцелярию Вятского губернатора стали поступать прошения, как от отдельных лиц, так и от групп крестьян о разрешении перейти из православия в язычество, раскол или мусульманство. По данным епископа Филарета за период с 1906 г. по 1910 г. в язычество официально перешло 132 человека[5].

Таким образом, в начале XX в. конфессиональная обстановка в Удмуртии была весьма противоречива. Наряду с утверждением православия наблюдался и обратный процесс возвращение к мусульманству и язычеству. Пестрый национальный состав верующих православной церкви, с одной стороны, и наличие других крупных религиозных общин – с другой, заставляли гражданскую и духовную власть действовать на территории Удмуртии гибко и осторожно.

---

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897.
2. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897.
3. ЦГА УР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 404. Л. 56.
4. ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 1. Д. 7651. Л.12.
5. ГАКО. Ф. 582. Оп. 150. Д. 130. Л. 59.